

М.В. Михайлова

Нина Петровская: *Historia morbi*

Публикуемое ниже письмо находится в РГБ-НИОР. Ф. 386 (В.Я. Брюсов). Карт. 103. Ед. хр. 16. Л. 29–31.

В папке – 24 письма Сергея Алексеевича Соколова (псевд. Кречетов) к Валерию Яковлевичу Брюсову

Данное письмо воссоздает подробности жизни за границей Нины Ивановны Петровской (1879–1928), писательницы и мемуаристки, до недавнего времени интересовавшей литературоведов только интимными подробностями своих романов с Андреем Белым и В.Я. Брюсовым. Однако после публикации ее творческого наследия¹ стало ясно, что она была и незаурядным литератором, тонко чувствующим время и воссоздавшим его в своих воспоминаниях с потрясающей проникновенностью (хочется в связи с этим привести наиболее частый отзыв в соцсетях после прочтения тома «Разбитое зеркало»: «Очень удивил <...> сам факт, что от Нины Петровской, оказывается, остались какие-то литературные плоды – а я-то думала, что продуктивностью на этом поприще она не отличалась. Я о ней знаю из “Некрополя” Ходасевича и еще из чьих-то воспоминаний, и у меня сложилось впечатление, что она была законченной истеричкой. Похоже, это тот случай, когда легенда об авторе достигла меня прежде его произведений»).

Однако и после появления подготовленной Н.А. Богомоловым и А.В. Лавровым ее многостраничной переписки с Брюсовым 1904–1913 гг. (2004) многое в биографии Петровской остается непроясненным. Известно, что глубокая личная драма заставила ее покинуть Россию, и в 1908 г. она уезжает в Германию, Францию, Польшу, Италию. По сути, с тех пор она живет за границей, лишь изредка приезжая в Москву, откуда в 1911 г. уезжает, как оказалось, навсегда. Сыграл роль обозначившийся в ее отношениях с Брюсовым кризис. После любовного единения в середине 1900-х, незабываемой поездки в Финляндию в их отношениях наступает период резких конфликтов и разногласий. Брюсов многое делал для того, чтобы она не истолковывала новую форму их отношений как разрыв и конец. Большие надежды он возлагал на творчество, которое, как он надеялся, способно было бы ее захватить, «переключить» и отвлечь, в письмах убеждал Петровскую вернуться, доказывая, что только на родине она сможет творчески себя реализо-

¹ См.: *Петровская Н.И.* Разбитое зеркало. Проза. Мемуары. Критика / Сост. М. В. Михайловой; вступ. статьи М.В. Михайловой и О. Велавичюте; коммент. М.В. Михайловой и О. Велавичюте при участии Е.А. Глуховской. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. 976 с.

вать. Но, как она подчеркивала, «мотивы сложные и чисто интимные»¹, а отнюдь не политические или социальные заставили ее принять решение о невозвращении. Она много скиталась по Европе, сильно нуждалась. Об этих годах остались самые смутные сведения. Так, существует версия, что в 1913 г. в Париже Петровская совершила попытку самоубийства, выбросившись из окна гостиницы, однако осталась жива, но сломала ногу, которая плохо срослась; и с тех пор Нина Ивановна прихрамывала.

Думается, что приводимое письмо частично выявляет и другую причину хромоты: тяжелый туберкулез колена, потребовавший серьезного лечения. Также оно позволяет поставить под сомнение и факт попытки самоубийства: если в ноябре 1912 г. она еще практически не может двигаться, прикована к постели, то вряд ли можно предположить, что спустя год она взбирается на сколько-нибудь высокий этаж, чтобы выброситься из окна. Кроме того, следует помнить, что на ее попечении остается сестра Надя, ответственность за которую она несла всю жизнь: как раз решение ее оборвать приходит к Нине Ивановне в Париже после смерти сестры.

Кроме того, письмо отчетливо указывает на поддержку, которую оказывал ей бывший муж Соколов-Кречетов, а также Брюсов. Ибо, если бы не было никакой надежды на его помощь, вряд ли бы Сергей Соколов обратился к Брюсову с просьбой о деньгах. Мы узнаем и о готовности врача Генриха Койранского прийти ей на помощь. Важна также фиксация Соколовым факта ее освобождения от наркотической зависимости. Конечно, можно предположить, что он специально пишет об этом Брюсову, дабы подчеркнуть «исправление» Петровской, но описание сложности процедур, несовместимых с употреблением наркотиков, говорит об обратном.

Текст 22 письма приведен в соответствие с нормами русского языка настоящего времени.

Подготовка текста и комментарии М.В. Михайловой и Е.Е. Пажитнова.

Моховая 10 кв. 17
24 ноября 1912

Дорогой Валерий Яковлевич!

Считаю долгом сообщить Вам о положении Нины, что долгое время не доводилось мне сделать за редкими нашими встречами и частыми моими отъездами в Петербург, куда нынче я еду опять до середины будущей недели.

В начале пребывания Нины в Мюнхенской клинике Красного Креста (ее адрес: Frau Nina Sokoloff. Hospital Rothes Kreuz. Nymphen-burgerstrasse. München) мюнхенский профессор подавал надежду на благополучный и сравнительно скорый исход ее болезни (туберкулез колена) при правильном лечении. Но когда лечение стало, как обычно бывает, несколько затягиваться, течение его осложнилось одним непредвиденным обстоятельством. Дело в том, что за время болезни, как это весьма понятно, нервы Нины пришли в крайнее расстройство. Между тем лечение требует частых прикосновений к ноге (надо разгибать ее, помещать в особый аппарат с высокой температурой воздуха и т. д.). Обычно для подобных случаев применяют наркотические вещества в виде соответственных инъекций, но в данном случае по причинам понятным их применять нельзя, дабы не причинить общего вреда организму, с трудом от них освобожденному. Таким образом, боль приходится выносить без наркоза. Боль до крайности велика. Первое время Нина терпела, но потом отказалась и при малейшей попытке сделать что-нибудь с ногой стала поднимать, как она сама пишет, «звериный вой», почему все доктора отступили. Винить ее, конечно, за это бесцельно, ибо выносливость ее очень

¹ *Петровская Н.* Воспоминания / Публ. Э. Гарэтто // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 8. М.: Феникс, 1992. С. 17.

ослаблена и пределы ее очень теперь ограничены. В связи с этим положением вещей она стала умолять меня письмами и телеграммами (мне и Генриху Койр-анскому¹), чтобы ее перевезли в Москву.

Хотя в лечебном смысле в Москве, несомненно, мне не удалось бы создать ей тех условий врачебного комфорта, который сейчас ее окружает, но я все же выполнил бы ее желание в единой надежде, что здесь, быть может, совместное мое и Генриха воздействие принудило бы ее подчиниться лечению. Но к этому я не имею ни малейшей практической возможности, ибо денежные дела мои пришли к большому расстройству в сильной связи с теми очень значительными расходами, какие приходится нести по пребыванию Нины за границей. В частности, сентябрь месяц с поездкой Генриха в Париж и перевозкой Нины и Нади² в Мюнхен стоили мне 1000 руб., что потребовало, как легко представить, очень больших напряжений при полном отсутствии у меня заработков. Поэтому я вынужден был отказать Нине в ее мольбах, причем я послал ей несколько умоляющих писем и телеграмм, прося потерпеть и подчиниться лечению. С тех пор (прошло недели 2) я получил от нее лишь одно короткое письмо, где ни слова о здоровье. Генрих спросил профессора, в течение какого срока нога, если Нина продолжает отказываться от лечения, еще способна к лечению и после какого срока лечить будет поздно и нога будет обречена на неподвижность. В связи с ответом профессора (если только Нина упорствует в отказе) выяснится, когда ее должно уже безотлагательно перевезти в Москву, что нельзя не сделать ради надежды, что здесь мы заставим ее лечиться. Когда этот срок выяснится, я сделаю все, чтобы перевезти Нину. Не знаю как, но это будет сделано. Прошу Вас ответить мне, поможете ли Вы как-либо и в какой-либо мере в этом, или же обстоятельства таковы, что для Нины Вами сделано ничего не будет. Полагаю, что перевозка ее в Москву (за ней согласен опять съездить Генрих, – его доброты и бескорыстной нежности не забуду ему никогда) обойдется рублей в 600, примерно. Ответьте к среде будущей недели.

Этим очень обяжете
Вашего Сергея Соколова

P.S. Не могли ли бы Вы прислать мне деньги по квартире за июль и сентябрь, которые я уплатил своевременно по Вашей просьбе. За октябрь уплатил я самолично, ибо все еще не сумел сдать. С конца же октября квартира передана с обстановкой помесечно, в знакомые все же руки (Б. Ивинский³), без надбавки, за квартирную плату, – с августа она = 45 руб.

Примечания

¹ Койранский Генрих Ааронович (Арнольдovich) (1883–?) – литератор, врач, выпускник медицинского факультета Московского университета. Печатался под псевдонимом Г. Тверской. Брат писателя А.А. Койранского.

² Надя – сестра Н.И. Петровской Надежда Ивановна Петровская (1880-е (?)–1927).

³ Ивинский Борис Иванович (1881–1943) – литератор, журналист. Отец А.Б. Ивинского. Печатался в газетах «Тамбовский голос», «Столичное утро», «С.-Петербургские ведомости» и др. Сотрудничал в издательстве И.Д. Сытина. Эмигрировал в Болгарию. Редактировал сборник «Русские в Болгарии» (1922), софийские газеты «Знамя России» (1923) и «Русское эхо» (1923). Во Франции с 1926. Работал в редакции и публиковался в газете «Возрождение». Входил в инициативную группу по учреждению во Франции Объединения русских деятелей литературы и искусства (1940). Автор книги рассказов (под псевд. Борский). Во время Второй мировой войны сотрудничал в газетах «Парижский Вестник», «Новое Слово» (Берлин). Псевдонимы: Б.Б.; Борский Б.; Гагазовский; Икар. Умер 11 июля 1943 в Париже.

Сведения об авторах:
Мария Викторовна Михайлова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

Евгений Евгеньевич Пажитнов,
Председатель Московского краеведческо-генеалогического общества

Evgeny E. Pajitnov,
Chairman of the Moscow-Local History Genealogical Society
cronos-74@mail.ru